

мария пейсахова



мелисса

Часть первая

12+

Мария Пейсахова
Мелисса. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пейсахова М.

Мелисса. Часть 1 / М. Пейсахова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта увлекательнейшая история, полная загадочных событий, начинается в Файнд-Тауне – городе, который триста лет назад по неизвестной причине покинули все его жители. Теперь он заселен новыми горожанами, но тайны города никуда не исчезли. Куда делись его прежние жильцы? Для чего поселенцами, набредшими на пустой город, был введен таинственный Ритуал Обретения? Что живет в катакомбах мрачного здания школы? Почему, услышав слова «талант» или «творчество», учителя бледнеют и собирают школьный совет? Все это – только малая часть туго стянутого клубка загадок, который предстоит распутать юной Мелиссе и ее друзьям.

Содержание

Часть первая	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Часть первая

Глава 1

Теплым майским днем Мелисса сидела на лавочке в глубине школьного двора и наблюдала за одноклассницами, которые играли в салки. Она улыбнулась, на душе у нее было хорошо и спокойно. Последний день учебы! Остался всего один прощальный, напутственный урок и – свобода!

– Так нечестно! – услышала она громкий возглас, который резко выделился среди девичьих голосов.

Мелисса глянула в ту сторону: обладательница властного голоса, Каролина, встала посреди школьного двора и снова закричала:

– Остановите игру! Вы нарушили правила!

– Но мы..., – девочки начали неуверенно оправдываться.

– Я сказала! – Каролина топнула ногой.

Игра тут же закончилась, девочки притихли и застыли в ожидании: что же будет дальше?

«Ох, Каролина, Каролина, – подумала Мелисса. – Вот всегда она так: умеет испортить настроение». И все ей позволено, потому что она племянница мэра, а значит – непоколебимый авторитет. Для всех: учителей, школьников. Но только не для Мелиссы. Она считала ее привилегированное положение отнюдь не силой, а – слабостью, и относилась к Каролине с видимым равнодушием.

Что и говорить, статус Каролины полностью покрывал ее недостатки. Мало того, что она была отнюдь не красавицей: жидкие волосы неопределенного цвета, длинный острый нос, так еще и умом особо не блистала. Если бы не благосклонность учителей, то она получала бы одни тройки, а то и двойки. И Мелиссе иногда становилось жаль эту дурно воспитанную девочку.

– Эй, Мелисса, – окликнула ее Каролина. – Ты смотрела, как мы играли?

Мелисса лениво потянулась и ответила:

– Ага!

– Ну тогда скажи, кто прав, а кто виноват!

– Нарушений правил точно не было! – честно ответила Мелисса.

Девочки благодарно посмотрели на нее и кинули боязливый взгляд на Каролину.

Та громко вздохнула, нахмурилась и пробубнила себе под нос:

– Ладно, играем дальше.

В ту же секунду все пошло по-прежнему.

Мелисса же снова погрузилась в мечты о грядущем лете. Даже громоздкое здание школы уже не казалось ей таким страшным и зловещим. Она посмотрела на высокие неприступные стены, на башенки с готическими шпилями, на огромные стрельчатые окна и невольно задумалась. И все-таки, что же тут находилось раньше?! Этот вопрос никогда не давал ей покоя. Но, ни учителя, ни родители не могли дать ей ответа.

Жители Файнд-Тауна, к сожалению, ничего не знали об истории своего города. А все потому, что три столетия назад их предки попросту заняли пустующий город, в котором не было ни одной живой души. Зато было множество нетронутых временем построек: городская ратуша, монастырь, маленькие двух- и трехэтажные жилые дома и вот это мрачное здание, которое приспособили под школу.

Прозвенел громкий, настойчивый звонок, Мелисса очнулась от забытья и услышала, как одноклассницы кричат ей:

– Мелисса, пойдем скорее, а то мадам Грегория задаст нам перцу!

Мелисса побежала вслед за девочками. В последний день учебы ей совсем не хотелось выслушивать длинную, скучную нотацию от старой сварливой классной дамы.

Она быстро пересекла школьный двор, поднялась по высоким ступенькам, с трудом открыла старую обитую кованым железом дверь и невольно вздрогнула. Каждый раз, когда она переступала порог школы – легкая оторопь охватывала ее. Казалось, что из солнечного, тихого дня, она попадает в холодную, затхлую ночь. Внутри, несмотря на обилие ламп и светильников, всегда было полутемно, сыро и неудобно.

Мелисса бежала по длинным, сумрачным коридорам, пока, наконец, не остановилась у дверей своего класса. Девочки уже расселись по местам, а мадам Григория стояла у доски, как каменное изваяние. Мелисса глянула на часы: осталась ровно одна минута до начала урока. Она бросилась к своей парте и плюхнулась на стул аккуратно в тот момент, когда мадам Григория резко открыла глаза и стукнула указкой по столу.

– Начинаем урок! – суровым тоном произнесла она и недовольно зыркнула на Мелиссу. – Итак, девочки, следующий год будет знаменательным для вас. И вы, наверное, знаете почему? Ведь так?!

Все послушно закивали головами.

– Каролина, скажи нам, почему следующий год будет знаменательным? – в голосе мадам Григории проскользнули ласковые нотки.

Мелисса усмехнулась. Мадам Григория всегда задает Каролине самые простые вопросы. И делается это не только с целью угодить ей, но и для того, чтобы весь класс думал, будто она – лучшая ученица! Да как самой Каролине не противно подобное лицемерие?!

Но Каролине такое отношение явно приходилось по вкусу. Она тут же встала, распрямила плечи и с видом героя, озаряющего мрачные глубины неведения, отчеканила то, что все в городе прекрасно знали с младенческих лет:

– В будущем учебном году нам исполнится по 14 лет, а значит, следуя заветам монаха Альтера, на грядущий День Обретения мы должны будем сами написать гимны и исполнить их на празднике!

– Правильно, Каролина! Какая же ты молодец! – попыталась улыбнуться мадам Григория, но вместо улыбки у нее получился звериный оскал.

Каролина села на место, и Мелиссе показалось, что от нее исходит самодовольное свечение.

– Итак, девочки, как правильно заметила Каролина, вам предстоит отметить очень важный в вашей жизни День Обретения. Хотя все Дни Обретения безумно важны, но этот праздник для вас особенный! Потому за лето каждой из вас нужно придумать гимн ко Дню Обретения! Не менее 15 строк, девочки, запомните! Повторяю еще раз! Не менее 15 строк! Все запомнили?

– Да, – хором ответили ученицы.

– И, конечно же, я не могу еще раз не вспомнить ту славную и прекрасную историю, когда монах Альтер подарил нам этот город, – мадам Григория резко повернулась к доске и с чувством благоговейного трепета посмотрела на портрет мужчины, одетого в монашескую рясу. – Да, да, да! Эту историю можно вспоминать сотни, тысячи, миллионы раз! Монах Альтер триста лет назад жил в Олд-Тауне, небольшом, но красивом городе, который находился у самого моря. Монах Альтер отличался прекрасным характером, добротой и удивительной святостью. Но вот, по настоянию своего духовного отца, он отправился странствовать по свету, чтобы найти уединенное место, для возведения нового монастыря. Долго ходил он по лесам и полям, рискуя своей драгоценной жизнью, но ни на минуту не забывая о миссии, возложенной на его плечи, пока за горной грядой, среди густых лесов не наткнулся на город. Абсолютно пустой город!!! Монах Альтер был вне себя от счастья и поспешил обратно в Олд-Таун. Когда же через две недели он подошел к воротам родного города, то оторопел от ужаса. Город лежал

в руинах, развалинах, и сотни оборванных, грязных мужчин, женщин и детей бродили туда-сюда, как неприкаянные. Выяснилось, что несколько дней назад прошел сильнейший шторм, который уничтожил весь город. Повсюду царил хаос. Никто не мог навести порядок, ибо градоначальник погиб во время шторма – крыша дома рухнула прямо на него.

Монах Альтер сразу же понял, почему он набрел на пустующий в горах город! То было само провидение! Он собрал всех жителей вместе, поведал им об удивительной находке и позвал за собой. Те с радостью согласились, – в этом они видели свое единственное спасение. Да так оно и было! Монах Альтер вел людей целый месяц, каким трудным и мучительным был тот поход! Многие утомленные дорогой попросту не дошли, и их хоронили прямо в лесу. Когда же, наконец, измученные люди вступили в город, – не было предела их счастью! И с тех самых пор, середина октября, а именно 16-тое число, считается самым важным днем в жизни всех нас – горожан, пылких патриотов Файнд-Тауна и является великим праздником, имя которому – День Обретения.

Мадам Грегория закончила свою вдохновенную речь. На ее глазах выступили слезы благоговения. Она опустила голову и несколько минут хранила почтительное молчание. Класс притих.

– А теперь, – мадам Грегория вышла из забытья и подняла сухие тонкие руки. – А теперь, кто нам расскажет еще раз, как проходит День Обретения в нашем городе? И расскажет с чувством, с толком, с расстановкой!

О Боже мой! – пронеслось в голове у Мелиссы, ну зачем же каждый месяц говорить и вспоминать об этом?! Она огляделась по сторонам, ей хотелось понять: разделяет ли кто-нибудь из девочек ее мысли или нет? Но девочки, как замороженные, смотрели на мадам Грегорию.

Неужели им самим не смешно? Видимо – нет. Мелисса тяжело вздохнула.

– Я думаю..., – мадам Грегория не совсем натурально изобразила только что сказанное, – я думаю..., об этом нам расскажет Каролина. Так ведь, дорогая? – Она снова попыталась улыбнуться.

Каролина встала, выпрямилась:

– А можно я к доске выйду?

– Конечно можно. Даже нужно! – изображая искреннюю радость, проворковала классная дама.

Каролина улыбнулась, показав классу ряд кривых зубов, и вышла к доске. Девочки замерли, изображая умильный восторг.

– Каждый год, а именно – 16 октября, мы, жители Файнд-Тауна, пылая ярким огнем сердца, отмечаем День Обретения. Мы вспоминаем и прославляем тот день, когда достопочтенный монах Альтер привел нас в этот город. С самого утра, как только всходит солнце, мы облачаемся в белые одежды и выходим из своих домов. Мы идем рука об руку, к городской ратуше, на площадь. Мы молчим. Разговаривать запрещено. Ибо все слова будут мертвы и бесполезны. Когда мы входим на площадь, то выстраиваемся четкими рядами и стоим в трепетном ожидании. Мы ждем, когда на помост взойдет наш любимый градоначальник. Наш мэр. Наше светило. И когда он выходит, мы чуть склоняем головы, в приветственном восторге. Градоначальник начинает читать хвалебный гимн, прославляющий День Обретения. А потом он указывает на какого-нибудь горожанина, и тот поет наш древний гимн, прославляющий День Обретения. А если же выбор падает на человека, которому в этот год исполнилось или исполнится 14 лет, то избранный исполняет гимн собственного сочинения.

В завершении праздника все берутся за руки, образуют огромный круг и начинают медленное кружение. Мэр в это время воздевает руки к небесам и говорит благодарственные слова небу, которое послало людям такую благодать, как пустой город.

Потом все расходятся по домам и остаются там до начала следующего дня. Ни выходить, ни разговаривать нельзя, чтобы не нарушить благостную атмосферу торжества. Уф!

Каролина наконец закончила свою речь. На протяжении ее монолога Мелисса несколько раз чуть было не уснула: монотонный, немного гнусавый голос одноклассницы нагонял на нее сон, и глаза слипались сами собой. Зато мадам Грегория и девочки слушали разглагольствования Каролины очень внимательно.

– Садись, девочка моя. Как всегда – отлично, – заискивающе произнесла классная дама.

Каролина, гордо поглядев на класс, проществовала на свое место.

– Итак, я надеюсь, что вы ощутили важность момента, – классная дама выделила последние два слова и метнула суровый пристальный взгляд на Мелиссу.

«Мммм...Мадам Грегория, хоть вы и производите впечатление человека раз и навсегда решившего для себя, что все ваши слова – непоколебимая истина, все же интуиция у вас неплохо развита» – подумала Мелисса. И она с трудом подавила зевоту: в классе становилось все скучнее и скучнее, – теперь мадам Грегория начала перечислять названия книг, которые нужно прочитать за лето. Мелисса не сдержалась и, все-таки, зевнула – все, о чем говорила классная дама, она уже давным-давно прочла.

– Но чтение не основное занятие для вас этим летом, правда, Мелисса? – до дремлющего сознания девочки эхом донесся голос учительницы.

Мелисса резко повернулась и удивленно уставилась на нее. Класс тревожно притих.

– Опять ты ворон считаешь? – строго проговорила мадам Грегория. – А тебе-то надо быть внимательней к моим словам! Ты же понимаешь, почему?

– Простите, мадам, я не совсем понимаю о чем речь!

Мадам Грегория скорчила снисходительную мину и протянула:

– Ну всем же известно, что у тебя открылся литературный талант! – С тем же успехом она могла произнести: «Всем мы знаем о твоей постыдной неполноценности». – Вон как мадам Этери восхваляла тебя на все лады, – продолжила учительница. – Так что – не подкачай, напиши такой гимн, чтобы мадам Этери не пришлось краснеть за тебя!

Мелисса невольно поморщилась. Когда кто-то из учителей напоминал о ее сомнительных литературных способностях, ей становилось не по себе. Во-первых, она считала свой талант достаточно скромным, а во-вторых, она не очень-то жаловала учительницу по литературе. Мадам Этери была дотошной и неприятной дамой, которая всегда недолюбливала Мелиссу. И девочка старалась вести себя так, чтобы та меньше обращала на нее внимание. Но когда талант Мелиссы был обнаружен на одном из уроков, то она сразу же стала живой мишенью для ехидных комплиментов и замечаний со стороны мадам Этери. Теперь старая учительница постоянно ждала от нее шедевров. Такое усиленное внимание сковывало Мелиссу и не давало возможности выскользнуть из-под ее постоянного надзора.

Она сдержала подступающее раздражение и спокойно ответила мадам Грегории:

– Да, мадам, я понимаю всю ответственность.

Мадам Грегория бросила на нее недоверчивый взгляд и процедила:

– Ну что ж, посмотрим, Мелисса.

Неожиданно прозвенел звонок, все невольно вздрогнули. Протяжный, громкий звук напоминал призыв, клич, резал уши и беззастенчиво проникал в мозг. Всякий раз, когда звонок врывается в эту сонную атмосферу, Мелиссе мерещилось, что вот-вот произойдет что-нибудь страшное. То ли тысячи неприятелей нападут на город, то ли гром и молнии посыплются с небес.

– Все свободны! – взывала мадам Грегория, пытаясь перекричать загалдевших учениц, а те, едва дослушав ее, выскочили вон из класса.

Глава 2

Мелисса выскочила одной из первых и, сломя голову, побежала по длинному коридору, не замечая ничего вокруг, но вдруг наткнулась на какое-то препятствие. Она подняла глаза и увидела стоящую перед ней мадам Стефанию, директрису.

Последняя отступила назад и покачнулась. Удивительно, как она вообще удержалась на ногах. Роста директриса была невысокого, телосложения хрупкого, казалось, подует ветер, и она улетит в далекие дали. Наряд Стефании был под стать ее воздушному облику: бежевая плиссированная юбка, блузка с воланами; аккуратный пучок черных, как смоль, волос. Мадам Стефания поправила очки в золотой оправе и, погрозив пальцем, улыбнулась:

– Ну, девочка моя, ну, ты и распалилась!

Мелисса робко застыла и тихо прошептала:

– Простите...

Мадам Стефания улыбнулась, ее маленькие глаза благожелательно блеснули и почему-то напомнили Мелиссе шоколадное драже.

– Девочка моя, ты заслужишь мое прощение, если сможешь перенести стопку журналов из учительской в архив. Не зря же мы с тобой столкнулись?! Я как раз искала того, кто бы мне помог.

– Да, конечно, с удовольствием, – как можно быстрее проговорила Мелисса, опасаясь, что мадам Стефания пойдет искать другого помощника, – А мы пойдем в те самые знаменитые катакомбы?

– Да, ты увидишь святая святых нашей школы! – ответила она.

Мелисса взбудоражилась от столь неожиданного поворота событий, приключения начнутся! Ей никогда не приходилось иметь дело с мадам Стефанией. Она не шалила и хорошо училась, и потому ее не вызывали в кабинет директора. От других девочек она слышала, что мадам Стефания ни на кого не кричала и не ругалась. Провинившихся школьников она поила чаем и болтала о чем-то совершенно отвлеченном, проказы подопечных ничуть не волновали ее.

Сейчас мадам Стефания напевала себе под нос странную песенку на незнакомом языке и играла с ключами, зажатыми между пальцев

– Подожди меня здесь! – произнесла мадам Стефания и юркнула за дверь учительской.

Мелисса послушно кивнула головой. Скоро она увидит катакомбы! Из ее класса там точно никто не бывал. Двум-трем старшим девочкам совершенно случайно, удалось спуститься туда, и они рассказывали, что там – настоящие лабиринты, такие, о которых пишут в книгах. А еще ходили слухи, что подземные ходы тянутся далеко на юг и заканчиваются где-то за городом, в лесной чаще! Конечно, это все легенды, рожденные живым воображением школьников. Но между тем, подвальные помещения строго охранялись. И ни один из отважных искателей приключений никогда не мог самостоятельно проникнуть туда. Лестница, ведущая вниз, пряталась за массивной дверью, которая запиралась на огромный, тяжелый замок. Взломать его было совершенно невозможно.

Мадам Стефания выглянула в коридор и громко крикнула:

– Зайди, девочка моя!

Мелисса прошла внутрь и неуверенно застыла у двери.

– Ну же, смелее, не стесняйся, бери вон ту стопку, – она указала рукой на стол, на котором лежало несколько журналов в твердой обложке.

Мелисса взяла их и сразу же вышла. Мадам Стефания пошла следом за ней.

– Надеюсь тебе не тяжело? – беспечно поинтересовалась она.

– Нет, – соврала Мелисса, хотя руки ее и опускались под весьма ощутимой тяжестью.

Но она побоялась сказать об этом, полагая, что в таком случае мадам Стефания сама возьмет журналы, и помощь ей больше не понадобится. Мелисса решила терпеть до конца. Уж очень ей хотелось попасть в знаменитые таинственные подземелья!

Они снова пошли запутанными коридорами, которые уже опустели: ученики разбежались по домам, а учителя сидели в кабинетах и подводили итоги года. В школе стояла тишина. Наконец, они подошли к той части коридора, в которую уже не позволялось заходить ученикам. Мадам Стефания, по-прежнему что-то напевая, достала связку ключей и открыла железную решетку.

Они прошли несколько шагов в полутьме – длинные стрельчатые окна коридора были закрыты плотной тканью и остановились около двери, ведущей в подземелья. Мелисса затаила дыхание.

Не говоря ни слова, так словно они заходят в очередной кабинет для занятий, мадам Стефания вставила огромный ключ с причудливой нарезкой в большой амбарный замок и начала поворачивать его. Краем глаза девочка заметила, что поворачивала она его как-то по-особому: все время в разные стороны.

«Здесь, наверное, какой-то секретный механизм!» – решила она. Дверь со скрипом отворилась, повеяло сыростью и холодом. «Как страшно!» – вздрогнула Мелисса.

Мадам Стефания зажгла керосиновую лампу и сказала:

– Девочка моя, будь осторожна! Смотри внимательно под ноги, здесь много ступенек. Не отставай от меня!

Начался путь вниз. Сначала Мелиссу оглушила тишина. Ей показалось, что весь мир исчез, и они в мгновение ока очутились во чреве неведомого чудовища. Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось. Их шаги грубо нарушали тишину, и каждый вдох отдавался в ушах. Мелисса боялась упасть. Голова вдруг закружилась. А старые шершавые стены, освещенные тусклым светом, казалось, вот-вот начнут сдвигаться, чтобы раздавить их.

Неожиданно ее охватил дикий, безумный страх. Возникло острое желание швырнуть журналы; громко, истошно закричать и убежать прочь. Она с огромным трудом подавила рвущийся наружу вопль. Господи, да зачем она согласилась на это?! Ведь сейчас обязательно что-нибудь случится! Мадам Стефания потеряет ключи! Споткнется, упадет с лестницы, разобьется! Потолок обрушится! Из темноты вылезет огромное чудовище и сожрет их. Да оно где-то близко, где-то совсем рядом! Вот оно приближается! Мелисса сдержала подступающий крик, прикусив губу. «Возьми себя в руки! Возьми себя в руки!» – повторяла она, – «Ничего страшного не происходит! Все учителя и мадам Стефания по сто раз тут бывали! И ничего! Как видишь, живы! Успокойся!». Но огромное чудовище, оно же где-то рядом, совсем рядом! Совсем!

– Последняя ступенька, – услышала она все тот же беспечный голос мадам Стефании, он прорезал пелену безумных мыслей и отрезвил ее.

Мелисса немного успокоилась. Тревога исчезла. Они стояли в начале длинного коридора с очень низким потолком. Мадам Стефания отошла в темный угол, раздалось шуршание. Страх снова парализовал девочку, но лишь на несколько секунд, – неожиданно пространство вокруг них озарилось ярким светом – директриса зажгла большой факел.

Они шли по узкому коридору. Мелисса озиралась по сторонам. Неверный свет факела высвечивал серые стены, грязный потолок, паутину в углах, и еще – очертания дверей, закрытых на массивные поросшие ржавчиной замки. Было видно, что туда уже много-много лет никто не входил.

– А что за этими дверями? – неожиданно осмелела Мелисса.

– Ничего! – отозвалась мадам Стефания.

– А почему они заперты? – не унималась она

– А зачем им быть открытыми? Тем более у нас нет ключей от них! Они хранятся у мэра!

Вдруг голову Мелиссы пронзила жуткая боль. Ей снова стало не по себе, но на сей раз это были совсем другие ощущения. Чудилось, что где-то в глубине сознания раздаются крики, страшные, истошные вопли и невидимые руки тянутся из недр ее мозга наружу. Она тряхнула головой и чуть не выронила журналы. Наваждение не прошло. Крики усиливались. Она была уверена, что их источник не во вне, а внутри! Такое с ней случалось впервые. Перед глазами замелькали картинки: по пустым улицам Файнд-Тауна медленно движется черный силуэт, и слышится смех, ужасный душераздирающий смех.

Мелисса стиснула зубы. Она хотела в ту же секунду рассказать мадам Стефании об этом наваждении, но сдержалась.

– Вот мы и пришли! – директриса остановилась около одной из дверей и открыла ее.

И снова от звука ее голоса Мелисса вернулась в реальность и мысленно отругала себя за слабость. Мадам Стефания мельком глянула на нее:

– Девочка моя, ты побледнела что-то. Тебе нехорошо?

– Нет. Просто тут дышать нечем и холодно, – в доказательство своих слов Мелисса поежилась.

– Ну ничего, ничего, мы скоро уже будем наверху, – они вошли в небольшую залу. Мадам Стефания вставила факел в подставку и, указывая на стеллажи с журналами, громко произнесла:

– Вот они, все ваши оценки за триста лет!

Мелисса посмотрела на толстые, идеально сохранившиеся красные корешки. Удивительно, почему они не сгнили от сырости, и почему их не сожрали крысы?!

– Они так хорошо сохранились потому, что мы, директора школы, из поколения в поколение следим за архивом и тщательно оберегаем его от тления! – она словно прочитала ее мысли, и в голосе ее проявилось чувство гордости за свою работу.

Как странно, неужели она живет этим? Бестолковыми журналами с оценками, которые, по сути-то никому не нужны. Их же смело можно бросить в огонь! Бедная! Мелиссе стало жаль ее, и она подумала, что скорее всего мадам Стефания страдает от страшного одиночества!

– А теперь, девочка моя, положи их на тот стол, – тон директрисы снова стал прежним.

Мелисса выпустила стопку из рук и облегченно вздохнула. Ладони ее вспотели и сильно дрожали, она спрятала их за спину. Тем временем, Мадам Стефания села за стол, зажгла свечу, и стала вносить номера журналов в огромный грессбук.

– Да, кстати, девочка моя, как тебя зовут?

– Мелисса!

Мадам Стефания отвлеклась и подняла голову. Ее рассеянный взгляд на несколько секунд приобрел сосредоточенность, она явно пыталась запечатлеть в памяти имя и облик девочки.

– Что ж, отлично! – Она захлопнула грессбук и подняла глаза на Мелиссу: – Ну что, девочка моя, как тебе здесь? Нравится?

– Просто чудесно! – соврала она и вздрогнула. Мадам Стефания, ласково улыбнулась в ответ и встала из-за стола.

– Да, мне тоже тут нравится, – протянула она. – Но хорошего понемножку. Пойдем наверх!

Глава 3

Обратная дорога показалась Мелиссе вдвое короче, ей хотелось, как можно скорее выбраться из этого проклятого места. Огромным усилием воли она отогнала от себя те страшные образы, которые снова и снова возникали в ее сознании, возникали так настойчиво и беспощадно: пустынные улицы города, страшный, злой ветер и черный, неясный, пугающий силуэт. Сквозь эти видения прорывались ужасные, холодящие душу крики. Когда они, наконец, поднялись по ступеням и вышли в коридор, Мелисса облегченно вздохнула.

Мадам Стефания, витавшая где-то в своих мыслях, участливо поинтересовалась:

– Что такое, девочка моя, ты утомилась?

– Вовсе нет! – стараясь говорить бодро, ответила Мелисса. – Просто все это так необычно для меня.

– Ну по крайней мере, теперь я знаю, что ты не страдаешь клаустрофобией. Хотя, мне, наверное, надо было спросить тебя об этом чуть раньше, – беспечно продолжила мадам Стефания. – Ах, я такая рассеянная! – она всплеснула руками, – Спасибо тебе, Милена большое! Беги, отдыхай и первого сентября будь, как огурчик, – и она легонько подтолкнула ее в спину.

Мелисса хотела было заметить, что зовут ее вовсе не Милена, но поняла, что это бесполезно: директриса все равно забудет! Что за чудачка?! Девочка вежливо попрощалась с ней, ускорила шаг и, миновав переплетение коридоров, выпорхнула на школьный двор. Солнечный свет ударил в глаза. Она зажмурилась не столько от боли, сколько от удовольствия и в изнеможении присела на ступеньки.

Казалось, что она провела в подземельях целую вечность. Чудовищное место! Каким образом к нему можно привыкнуть?! Мелисса чувствовала себя опустошенной и измученной. Голова гудела, а ноги стали, как ватные. Она никогда не думала, что в ней могут пробудиться такие страхи. Девочка задумалась и вспомнила пустые улицы города и черный силуэт. Картинка как нарисованная встала перед ее глазами. Мелисса мысленно начала вглядываться в нее и стала различать, что по улицам гуляет ветер и швыряет пожелтевшие листья, а небо – серое-серое, низкое, зловещее, и повсюду раскиданы бумаги, обрывки тканей, газет и изодранных в клочья книг. А одинокий силуэт, он такой нечеткий, размытый! Она старалась разглядеть его, но у нее ничего не получалось. Неожиданно ей снова стало страшно. Она резко вскочила и пошла прочь, пытаясь отогнать дурные мысли. Нет. Я не буду думать об этом! В конце концов, – каникулы! «Каникулы!» – повторила она вслух и подпрыгнула от радости. Через два дня она уедет к тете Монике в Бриф-Кост. Там снова встретится со своей лучшей подругой Сарой. И все будет отлично! Целое лето они будут ходить на море, бродить ночью по старым улицам, словом, ее ждут очередные приключения.

Теперь у нее возникло желание поведать кому-нибудь из одноклассниц о своем маленьком путешествии в подземелье и прихвастнуть им. Но она, немного подумав, отбросила эту идею. Придется идти к кому-нибудь в гости, пить чай и умирать со скуки! Мелисса не очень-то любила общаться с одноклассницами вне школы. Они напоминали ей о времени, проведенном на уроках, за их спинами всегда появлялся призрак мадам Грегории с ее нудными и бестолковыми речами.

Девочки же тянулись к Мелиссе и всегда звали в гости. Она иногда принимала приглашения, но старалась избегать подобных мероприятий. Она всегда скучала в чужих гостиных, да и к тому же, обязательным гостем была Каролина, которая вечно приказывала, капризничала, портила всем настроение, словом – вела себя, как изнеженная королева среди своей свиты, а это сильно раздражало Мелиссу.

Больше всего на свете Мелисса любила читать, уютно устроившись за столиком в домашней библиотеке. Она прочитала почти все книги, которые там хранились. А в последнее время девочке нравилось писать самой. Она закрывалась в своей комнате и переносила на бумагу маленькие истории, которые внезапно приходили ей в голову. Родители всячески поддерживали ее в этих робких начинаниях и с большим удовольствием читали ее описания. Сама же она относилась как к захватывающему увлечению, в которое она уходила с головой. Ей нравилось попадать в выдуманный мир и блуждать в нем, а потом с такой же радостью, возвращаться обратно. Так что, как мы видим, общество одноклассниц только отрывало ее от более важных занятий.

«Пойду-ка домой! Мама меня заждалась, я же обещала сегодня прийти пораньше, чтобы помочь ей приготовить праздничный ужин. Как-никак, а ужин-то в честь окончания учебного года!» – решила она.

Артур и Хильда, родители Мелиссы в этот вечер всегда устраивали ей настоящий праздник. Оба они прекрасно понимали, какое это мучение – каждый день ходить в школу, и, посмеиваясь, говорили: «У них – День Обретения, у нас – День Освобождения».

Надо сказать, что родители девочки заметно отличались от всех остальных жителей города. Артур после того, как окончил школу, поехал учиться в университет Бриф-Коста. Такие длительные отлучки не входили в привычки простых фаундчан, и повсеместно осуждались ими. Кроме того, вернувшись, он привез с собой жену – Хильду. Жена из другого города – это же дикость! Здесь не любили связывать себя семейными узами с чужаками и сочетались браком только со своими, местными.

Ну и в довершение всего, дом семьи Артура, единственный во всем Файнд-Тауне, находился на отшибе, у пустынной дороги, ведущей на юг, прятался он в тени деревьев.

Мелисса сейчас спешила туда, в свой маленький островок уединения. Она быстро миновала безлюдные улицы, прошла сквозь городской сад и вышла из города.

Старая пыльная дорога светилась от лучей яркого приветливого солнца, кустарники у обочины радовали глаз желтыми гирляндами ягод, а с деревьев под дуновением легкого ветра слетали белые, невесомые цветы. Как же хорошо выбраться из этого сонного душного города и оказаться на просторе! Вдалеке расстиралось поле, поросшее зеленой травой, за ним темнел густой лес, который тянулся до самого горного перевала. Скоро, очень скоро она будет ехать сквозь него, туда далеко-далеко, к морю!

В таком возвышенном состоянии духа Мелисса подошла к дому. Запах жареного лука ударил в ноздри, она улыбнулась: «Значит, мама уже готовит!». Девочка прошла сквозь цветущий сад и с шумом толкнула входную дверь, дабы возвестить о своем приходе. Ее маневр не остался незамеченным, и Хильда уже через несколько секунд появилась в коридоре.

– Наконец-то! – она вытерла руки о полотенце. – Я уже все приготовила. Осталось только на стол накрыть! Заждались мы с папой тебя! – Хильда с укором покачала головой и слегка нахмурилась: – Ты с девочками задержалась?

– Ну почти, мамуля, – уклончиво ответила Мелисса. Она еще не решила, стоит ли говорить родителям о том, что она была в подземельях?

– Ну ладно, за столом расскажешь, – лицо Хильды озарилось красивой улыбкой. Она тряхнула головой, и ее золотистые, длинные волосы сверкающим потоком заструились по плечам. – Давай же, бросай ранец в самый дальний угол и пойдем накрывать на стол!

Второй раз повторять не пришлось: с легким сердцем Мелисса швырнула ранец за кресло и принялась помогать матери.

– Какие люди! – за ее спиной раздался веселый голос Артура. – Наконец-то пожаловала! А мы-то, грешным делом подумали, что ты собралась остаться на лето в любимой школе!

– Еще чего! – хмыкнула Мелисса. – Не дождетесь!

Артур плюхнулся в кресло и лениво прищурился, наблюдая за тем, как дочка расставляет тарелки.

– Сегодня Вернанд придет. Тоже будет поздравлять тебя с Днем Освобождения, – бросил он.

– Здорово!

Она обожала Вернанда, старого лесничего, который жил неподалеку, в глубине леса. Они частенько ходили в гости друг к другу и довольно тесно общались.

– Так что праздник у тебя будет самым настоящим, дорогая дочура! – подмигнул ей Артур.

– Не сомневаюсь, – она повернулась к нему, и спросила: – А что ты расселся, как король? И не помогаешь мне? А?

– Я уже маме с ужином помог, пока ты где-то шастала, – парировал он. – Теперь твоя очередь.

– Ну ладно-ладно, – и она ушла на кухню.

– Выпьем за твой День Освобождения! Еще один год мучений прошел! – поднял бокал Артур, когда они сели за стол. Мелисса громко крикнула: «Ура!». Раздался звон бокалов и радостный смех.

– Что интересного сегодня было? – спросила Хильда, раскладывая по тарелкам картофель.

– Да, все как обычно, – неуверенно начала Мелисса. – Мадам Грегория опять прицепилась ко мне с гимном ко Дню Обретения. Мол, ты должна написать его лучше всех и все в том же духе.

– Вот ослица, – перебил ее Артур.

Хильда укоризненно посмотрела на него.

– Ладно, ладно, – он улыбнулся и отмахнулся. – А что я не прав разве? Сколько можно твердить одно и то же про чертов День Обретения?! Будь он неладен!

– Артур, – Хильда покачала головой. – Давай, не будем сейчас говорить об этом. Мы, как-никак, ходим на каждый День Обретения! И другого выбора у нас нет! Что толку сейчас вспоминать его и портить себе настроение, – примирительным тоном заключила она.

– Хорошо, дорогая женушка, буду слушать тебя во всем, – и он покорно склонил голову.

– А что еще было? Почему ты задержалась? – продолжала Хильда.

Мелисса ответила не сразу, сначала долго ковыряла вилкой в картофелине, делая вид, что никак не может справиться с ней, и, затем, как можно более равнодушно ответила:

– А еще я помогала мадам Стефании отнести журналы в подземелья! – она затаила дыхание.

На секунду повисла оглушительная тишина, за которой последовал двойной пронзительный возглас:

– Что?

– Ага, – Мелисса почему-то почувствовала себя виноватой и украдкой глянула на родителей, на их лицах застыло изумление, смешанное со страхом. – Так, ничего особенного, правда. Спустились, отнесли журналы и поднялись наверх. Вот и все.

– Ну и ну, – выдохнул Артур и провел рукой по волосам, а Хильда начала судорожно нарезать хлеб, потом резко встала и прошла по комнате.

– Но зачем ты пошла с ней, Мелисса? – подавленным голосом спросила мать. – Я слышала, что там очень крутые ступени, темно, скользко. Ты же могла не удержаться и покатиться вниз! Чего доброго шею бы себе свернула.

– Я полностью поддерживаю маму! – строго добавил Артур и нахмурил брови.

– Да будет вам! – Мелисса старалась казаться веселой. – Учителя туда постоянно ходят и ничего с ними не случается.

– То учителя! – перебил ее Артур, – А ты еще ребенок! Что за дура эта Стефания? – возмущенно воскликнул он.

– Папа, не говори так! – возмутилась девочка. – Она не дура! Она добрая, в отличие от других учителей! А я уже не ребенок.

– Хм, не ребенок она, – он тяжело вздохнул и плеснул себе вина в бокал.

– Артур, зачем ты так говоришь про мадам Стефанию? Она действительно хороший человек и просто попросила помощи у Мелиссы.

– А кого-нибудь из старых гримз не могла попросить что ли? – насупился он.

– После драки кулаками не машут! – устало ответила Хильда и села обратно за стол.

Мелисса поморщилась. Зачем только она рассказала им?! Вот и все! Вечер испорчен! Хорошо хоть, она не проболталась про свои видения и страхи! Но мама будто прочитала ее мысли.

– И что, Мелисса, ты совсем-совсем не испугалась? – вкрадчиво спросила она.

– Ничуть, – быстро выпалила девочка и густо покраснела. Мать с отцом недоверчиво переглянулись.

Внезапно раздался настойчивый стук в дверь.

– Вернанд! – во весь голос закричала Мелисса и бросилась открывать. Как он вовремя! Сейчас можно будет переменить тему разговора.

И, действительно, с приходом Вернанда беседа перетекла в другое русло. Старый лесничий не столь давно ходил пешком в Бриф-Кост. Мелисса накинулась на него с расспросами. Он в ярких красках описал ей все обстоятельства своего путешествия.

Мелисса удивлялась его бодрости, настойчивости и выносливости. В тайне она мечтала, что когда-нибудь Вернанд возьмет ее с собой. И она воочию увидит все то, о чем он рассказывал.

Затем веселые посиделки приняли другой оборот: Хильда села за пианино и начала играть. Все моментально притихли. Казалось, время остановилось и только музыка, рождавшаяся под пальцами женщины, властвовала над миром.

Горели тихим огнем свечи. Окна были открыты нараспашку. В комнату проникал прохладный вечерний воздух, в котором так отчетливо слышался аромат цветущих яблонь. Громко тикали старинные часы, и музыка – печальная и нежная заливала гостиную.

Вернанд достал старенькую флейту и встал около пианино. Он и Хильда, не сговариваясь, стали исполнять веселые, незатейливые мелодии, под звуки которых так и хотелось броситься в пляс. Артур и Мелисса не удержались и принялись танцевать. Их смех еще очень долго не смолкал, бесцеремонно врываясь в ночную тишину сада.

Когда часы пробили полночь, Мелиссе стало клонить ко сну. Да, праздник удался на славу, но пора и честь знать! Попрощавшись с родителями и Вернандом, она поднялась к себе наверх. Остальные же прошли в кабинет отца, где обычно продолжался вечер. Там в маленькой, уютной комнате вели беседы и играли в вист.

Мелисса добралась до своей комнаты, и вдруг вспомнила, что оставила ранец внизу. Надо бы забрать его! В нем лежал дневник, в который она записывала все, что с ней происходило. Ей совсем не хотелось, чтобы его ненароком прочитали Хильда или Артур. Там были описаны их с Сарой прошлогодние приключения! Тот случай, когда они ночью убежали из дома и плавали на лодке в море. Если родители узнают об этом, то не видать ей Бриф-Коста, как своих ушей! Она тихо сошла вниз. Из приоткрытой двери кабинета пробивалась полоска света, и обрывок разговора долетел до нее. Взмолнованно говорил отец:

– Ты представляешь, и она спускалась туда!

Мелисса поняла, что он обращается к Вернанду. Невольно она стала прислушиваться к разговору, но голоса внезапно притихли. Потом послышались шаги, и кто-то захлопнул дверь. Мелисса пожала плечами и поплелась к себе наверх.

Глава 4

Около семи вечера, когда солнце понемногу стало заходить за горизонт, мадам Стефания оторвала глаза от плана на следующий учебный год, и сняв очки, закрыла лицо руками. Глаза болели. Она заметила, что с каждым днем ей становится все сложнее читать большие объемы текста. Да, старость, старость, – подумала она, и грустно усмехнулась, а сейчас ей еще предстоит идти в колонный зал на собрание. Она тяжело вздохнула и подавила зевоту.

Общаться со своими подчиненными мадам Стефании было скучно. Зачастую она пропускала мимо ушей все, что они пытались донести до нее. Она лелеяла свое одиночество и не любила, когда ее тревожили понапрасну.

Сразу после того, как заканчивались дела в школе, она уходила домой, в маленький флигель, который располагался в самом конце сада, и запиралась в нем. Там она чувствовала себя в безопасности. Когда ее назначили на должность директора, она с радостью продала свой дом в самом центре Файнд-Тауна и поселилась в этом уединенном месте, предназначенном для руководства школы. По какой-то странной иронии судьбы все предшествующие директрисы были одинокими женщинами, и как только вступали в должность, селились в этом флигеле. Может он привлекал их своей двойственностью? В ту часть сада мало кто забредал, но рядом была школа, которая источала энергию множества людей. Получается, что во флигеле можно было попеременно, то наслаждаться одиночеством, то чувствовать свою близость к людям? Как бы там ни было, но мадам Стефания сильно любила свое скромное жилище. И вот сейчас вместо того, чтобы прийти туда, сварить крепкого кофе и сесть на крыльце с книжкой в руке, ей нужно будет слушать нудные отчеты учителей.

Она взглянула на часы и поморщилась – пора! Мадам Стефания встала, пригладила растрепавшиеся волосы, так некстати выбившиеся из пучка, надела очки и вышла из кабинета.

Наверное, они уже все там, – заключила она, прислушиваясь к тишине, царящей в пустых коридорах. Она дошла до колонного зала и услышала голоса.

Точно – там! Мадам Стефания приосанилась и вошла внутрь. В просторном колонном зале стоял гигантский стол, за которым уже сидели учительницы и что-то живо обсуждали.

Как только они увидели мадам Стефанию, то тут же замолчали и встали, громко сказав в один голос:

– Приветствуем Вас, госпожа директор!

Именно так, по традиции, было принято встречать руководство на официальных встречах. Мадам Стефания улыбнулась, помахала рукой и радушно ответила:

– Садитесь, садитесь девочки.

Мадам Стефания заняла место во главе стола, положила рядом отчеты, склонила голову набок и, улыбнувшись, вежливо и мягко произнесла:

– Ну, девочки мои, что вы мне расскажите?

Мадам Грегория едва заметно поморщилась. Она терпеть не могла эту вальяжную манеру беседы. По ее мнению, мадам Стефания не соблюдала строгих, обязательных правил школы, тем самым дурно влияя как на преподавателей, так и на учеников. Потому мадам Грегория, чтобы подчеркнуть важность момента, встала и начала говорить громким строгим голосом:

– Госпожа директор! Разрешите мне начать первой! Я хочу доложить о тех моментах, которые считаю наиболее значимыми!

– Да, да, милочка, прошу Вас, – ласково ответила мадам Стефания, и ей стало жаль мадам Грегорию, которая не понимала, насколько она глупо выглядит со стороны.

– Спасибо, госпожа директор! – глаза ее блеснули гневным огнем, ей не нравилось, когда ее называли милочкой. – Следующий учебный год очень важен для некоторых наших учени-

ков, для тех, кому исполнится 14 лет. Все мы знаем, что именно этот возраст монах Альтер считал переломным в жизни человека. И, прошу заметить, здесь есть двойная важность, ибо грядущий День Обретения будет юбилейным! Триста лет исполнится с тех пор, как достопо-чтенный монах Альтер привел наших предков в этот город!

– Да, да, да, – упоенные ее речью, захопали учительницы.

Мадам Грегория продолжила:

– И потому в начале сентября мы должны проследить за тем, чтобы наши дети написали прекрасные искренние гимны, которыми мы могли бы гордиться!

– Да, да, да, – восторженная поддержка не прекращалась.

– И потому прошу обратить ваше внимание на Мелиссу! – с нажимом в голосе сказала мадам Грегория.

– Мелиссу? Мммм, – мадам Стефания сморщила лоб, уцепившись за знакомое имя, Мелисса, Мелисса, повторяла она про себя, а вспомнила! – Это такая симпатичная девочка, худенькая, стройная, с длинными каштановыми волосами, и красивыми зелеными глазами, да?

Мадам Грегория презрительно поджала губы! Как вульгарно изъясняется наш директор! Но, не смея перечить старшей по должности, ответила:

– Да именно она! Вы понимаете, мадам Стефания, что в этом году, кажется, в декабре, ей исполнится 14 лет, – она сделала паузу. – И в ней открылся писательский талант!

Мадам Стефания вскинула брови:

– Конечно я прекрасно понимаю, милочка! Да и мадам Этери, кажется, говорила мне об этом на днях! – мадам Стефания обвела залу глазами: – Да, кстати, а где же она?

– А вот это момент второй важности! Я хотела сообщить вам, что сегодня днем у мадам Этери случился сердечный приступ. Она прикована к кровати! Нам придется искать новую учительницу по литературе.

– О, – мадам Стефания удивленно всплеснула руками. – Какая досада, право же! Ну что ж, милочка, пошлите вместе с ближайшей почтой депешу в префектуру Бриф-Коста! Они подыщут нам новую учительницу. Здесь, у нас таких, к сожалению, больше нет!

– Непременно сделаю это, – зло ответила мадам Грегория, которую с каждой минутой все больше и больше бесило столь беспечное отношение директрисы к важным школьным проблемам. А она-то ожидала, что Стефания сейчас поднимет панику! Но не тут-то было!

– Ну что, милочка, Вы закончили? – скорее утверждала, чем спрашивала мадам Стефания.

– Да, но... – позеленела от злости мадам Грегория.

– Ну вот и отлично, – оборвала ее мадам Стефания. – Кто же хочет быть следующим, девочки?

«Девочки» зашушукались и загалдели, а мадам Стефания прикрыла усталые глаза и мысленно унесла прочь в свой маленький, уютный домик.

– Госпожа директор, – голос мадам Грегории раздался снова, она почти кричала: – Вы что не понимаете?!

Мадам Стефания очнулась от забытья и удивленно поглядела на учительницу.

– Вы что не понимаете! У нее проснулся талант! – вопила, как безумная, мадам Грегория. – Мы несколько поколений трудимся для того, чтобы подобная зараза не появлялась в наших детях! И вот яд всплывает наружу! В один миг! В одну секунду! Вы понимаете, что это означает? Понимаете?!

Директриса озадаченно моргнула и улыбнулась, потом все-таки не сдержалась и зевнула:

– Вы слишком громко разговариваете, милочка. Наши девочки не глухие. Будьте спокойнее, я вас умоляю!

Глава 5

Мелисса проснулась ближе к полудню. Она чувствовала себя разбитой. Попыталась встать, но не смогла и легла обратно.

Вдруг стремительной лавиной нахлынули воспоминания: ей всю ночь снились кошмары! Она медленно шагала по подземелью, держась за стены, холодея от страха. Шла мимо закрытых дверей и боялась, что они откроются. Откуда ни возьмись, появилась Каролина. Лицо ее было перекошено от ненависти и злости, она шипела, как змея. Мелисса стала убегать, а Каролина мчалась за ней, продолжая издавать страшные звуки.

Потом Мелисса оказалась в классе. Шел урок, и она клевала носом. Неожиданно до ее слуха донесся мерзкий голос: «Ну-ка, Мелисса, погляди на меня!». Она подняла голову и истошно завопила: вместо мадам Грегории у доски стояло нечто. Сгусток темной материи, из недр которого вытекала вязкая слизь, а, на его с позволения сказать тело, был накинута длинный черный плащ.

Все смешалось, девочка оказалась в учительской. С портрета, висящего на стене, на нее строго и отрешенно смотрел монах Альтер. Мелиссе стало немного не по себе в пустой учительской, и она решила выйти, и тут, словно из-под земли, выросла Каролина. На сей раз он не шипела, а орала в голос: «Я уничтожу тебя! Уничтожу!». Вместо глаз у нее были красные раскаленные угольки. Мелисса бросилась в другую сторону, прямо к портрету Альтера, прося у него защиты. Монах услышал ее, руки его зашевелились, рот открылся и он произнес мягко: «Иди ко мне, девочка! Ничего не бойся!». На этом сон оборвался.

Мелисса растеряно почесала голову. Почему вдруг Каролина предстала в таком ужасном облики? Да, она иногда раздражает ее, но не более того! Что за странное черное нечто заняло место мадам Грегории? Видимо, вчера ее слишком сильно впечатлил поход в подземелье, вот и отразилось все в таком чудовищном неверном свете.

Мелисса заставила себя подняться и, хотела было, записать сны в дневник, но передумала. Уж слишком они противные, лучше скорее забыть о них и никогда не вспоминать.

Она с некоторым трудом привела себя в порядок и сошла вниз. Хильда сидела с книгой в гостиной.

– Доброе утро! Ну наконец-то ты встала! Соня! – ласково произнесла она.

– Угу, – пробурчала Мелисса и натянуто улыбнулась

– Что-то ты бледная какая-то! – мать бросила на нее тревожный взгляд. – Ты хорошо спала?

– Да! – соврала Мелисса и даже не покраснела. – Просто отлично, – она потянулась, и, чтобы скорей перевести тему, спросила: – А где папа? Сегодня же вроде выходной!

– Папа пошел к вашей учительнице по литературе, мадам Этери, у нее, как выяснилось, случился сердечный приступ. Он был очень зол, что его не вызвали к ней вчера!

– О! – удивленно воскликнула Мелисса. – Бедная...

– Да. Мне тоже ее жаль, – Хильда огорченно покачала головой. – Скорее всего, у вас теперь будет новая учительница. Она приедет из Бриф-Коста. У нас тут, кроме Этери, знатоков в литературе нет.

– Да, мама, даже не знаю, что тут сказать, – Мелисса озадаченно посмотрела куда-то в сторону. – Честно говоря, мне ее, конечно, жаль. Но с другой стороны, я безумно рада, что она не будет вести у нас уроки! Она ужасно вредная!

– Ох, Мелисса, Мелисса, – в голосе женщины послышалась ирония. – Ты вся в отца. Не можешь без комментариев обойтись. Давай лучше завтракать!

Она выпила две чашки кофе и поймала себя на мысли, что постоянно возвращается к виденным ею кошмарам. Зловещий образ Каролины не оставлял ее в покое. Хильда тем временем говорила ей о предстоящей поездке, но девочка совсем не слушала ее и отвечала невпопад.

– Мелисса, что с тобой? – спросила мать и посмотрела ей прямо в глаза.

– Да я просто волнуюсь перед поездкой, мамуль, – она вздрогнула и отвела взгляд в сторону.

– Мелисса, Мелисса, – женщина тяжело вздохнула. – Не обманывай меня! Я же твоя мать и все чувствую. Тебя что-то тревожит. Расскажи мне, и тебе станет легче.

– Ну просто, – она замялась. – Просто мне не дают покоя эти подземелья.

– Мелисса, – Хильда взяла ее за руку. – Тебе, конечно, не стоило туда спускаться. Ты девочка впечатлительная, а там все-таки мрачновато. Я бы и сама испугалась. Выбрось все это из головы и больше никогда не ходи туда.

– Естественно не пойду! – вскричала она. – Меня теперь туда калачами не заманишь.

– Ну вот и все, – Хильда улыбнулась, довольная ее ответом. – Завтра ты уже уедешь отсюда и обо всем забудешь. Кстати, пока ты спала, заходил Хэттер и интересовался, заезжать ли за тобой завтра утром?

Мелисса улыбнулась. Почтальон Хэттер вместе с женой Эльзой раз в месяц отправлялся в Бриф-Кост, чтобы отвезти почту в местный почтамт и забрать ожидающие фаундчан письма, газеты, книги и журналы. Мелисса всегда пристраивалась к ним в повозку в начале лета, когда ехала к тете Монике, и в конце – когда возвращалась обратно.

– И что ты ему ответила? – поинтересовалась девочка.

– Конечно, я сказала: не надо за ней заезжать, она никуда не поедет, – рассмеялась Хильда.

– Мама, не говори таких страшных вещей. Даже в шутку.

– Ладно, ладно, доченька, конечно, я шучу. Да, и кстати, – Хильда встала и подошла к секретеру. – Возьми письмо для Моника, пока я не забыла.

– Хорошо, мама.

– И не забудь напомнить ей, чтобы она прочитала его сразу, а не через месяц или два, – добавила Хильда.

– Да уж, – усмехнулась Мелисса. – От тети всякого можно ожидать.

– Обязательно пусть сразу прочитает! Слышишь?

Хлопнула входная дверь, и в гостиную вошел Артур.

– Уф, – он опустил в кресло. – Все не так уж плохо, – ответил он на вопросительный взгляд Хильды, – Жить будет. Я выписал ей лекарства, думаю, недели через две уже встанет на ноги, но в школу ей уже нельзя возвращаться. Я думаю, это к лучшему, она таки сварливая баба.

– Артур! – Хильда с укоризной посмотрела на него.

Он весело улыбнулся:

– А что, Мелисса, разве я не прав?

Мелисса кивнула, но промолчала. Скорей бы уехать, чтобы не слышать ничего о школе, учителях и Дне Обретения, и забыть все эти страшные сны.

Глава 6

Мэр Рэвел слонялся туда-сюда по кабинету: то и дело подходил к окну, чуть отодвигал занавеску и вглядывался в опустевшую безлюдную площадь. Он хмурил брови и тихо ворчал. На столе лежали отчеты учителей. Рэвел прочитал только два, помеченные грифом «Важно Мелисса», и составленные мадам Грегорией и мадам Этери. Отчеты взволновали его.

Он вызвал обеих дам к себе. Но Этери заболела и пришла только мадам Грегория, но и этого было достаточно. После ее визита Рэвел забеспокоился куда сильнее. Он тщательно обдумал положение дел и написал для мадам Грегории руководство к действию. Да, она была права, грядущий День Обретения будет самым важным за всю историю города, и нельзя оплошать, нельзя ударить в грязь лицом.

Все будет хорошо, все будет просто отлично! Он взглянул на часы и нахмурился: «Где же эти остолопы? За что они вообще получают жалование?». Остолопами Рэвел именовал свою сестру Франческу и ее мужа Дарена, родителей уже известной нам Каролины. Они оба служили в мэрии. Обязанности, которые они исполняли, были расплывчаты и туманны, зато жалованье – вполне ощутимое.

Рэвел сделал глоток уже остывшего кофе и поморщился. Черт возьми, все сегодня идет не так как надо! Послышался стук в дверь. «Ну наконец-то» – решил Рэвел и громко крикнул: «Войдите!». Дверь открылась и вошла Беатрис, его жена. Мэр разочарованно протянул:

– А это ты!

На лице Беатрис отразилась обида:

– Ты что же, не рад меня видеть, дорогой?

– Рад, рад, вот только проблем много. Жду свою сестрицу и ее благоверного, а они все не идут, – раздраженно ответил он.

Беатрис понимающе посмотрела на него, заметив:

– Милый, а я думала, ты спустишься ужинать! Все уже готово!

– Да ты что не понимаешь?! – неожиданно рявкнул супруг. – Я же сказал – я жду их! Много дел!

Беатрис попятилась и изменившимся от досады голосом ответила:

– Хорошо. Я пойду к себе. Не буду мешать.

Она быстро скрылась за дверью.

– Давай, – бросил в пустоту мэр.

Беатрис спустилась вниз. В ее глазах стояли слезы. Последние несколько лет муж был с ней холоден. Она вышла за него, руководствуясь далеко не сердечной привязанностью, но со временем все изменилось. Но когда она искренне полюбила его, он сразу же стал к ней холоден. Ее благородная красота до сих пор вызывала восхищение у жителей города, но только не у Рэвела. За последние 15 лет он не сказал ей ни одного ласкового слова. А она жила только им! Ей было невыносимо обидно от того, что он не посвящает ее в свои дела. Потому она с удвоенной силой не любила его вульгарную сестру и ее туповатого мужа, ведь именно их он сделал своими доверенными лицами.

Зазвенел колокольчик, и Беатрис застыла в прихожей. «Легки на помине» – с горечью подумала она. Натянув на себя радушную улыбку, она пошла открывать дверь. Раз уж она тут, что толку ждать горничную – проще открыть самой.

На пороге, как она и предполагала, стояли Дарен и Франческа. Они в один голос начали источать любезности, а потом вихрем пронеслись в кабинет мужа.

Беатрис хотела было пойти к себе, но несмотря на нанесенную ей обиду, решила узнать, останутся ли гости на ужин. Женщина прошла наверх и застыла в нерешительности у двери.

Они явно обсуждали что-то важное. В их голосах слышалось возбуждение и откровенное волнение, говорили они тихо, и сквозь сумбурный поток слов, она неожиданно уловила разборчивые слова мужа:

– Я думаю, Вы знаете, что надо делать и с чего начинать....Сомнений уже не осталось.

Мы должны действовать слажено.

На несколько секунд повисла тишина. Кто-то встал и нервно заходил по комнате.

– Как страшно, – неожиданно громко пропищала Франческа.

– Не бойся, дорогая, где наша не пропадала, – раздался гнусавый голос толстяка Дарена.

– Нам уже надо начинать действовать, чтобы не разочаровать..., – Рэвел резко оборвал начатую фразу и замолчал.

Беатрис затаилась и напрягла слух.

– Братец, дорогой, а можно нам кофе? Мы так спешили к тебе, что не успели выпить ни чашечки! Да еще и эти известия! У меня прямо в горле пересохло, – льстиво залепетала Франческа.

– Да, сейчас, – угрюмо ответил Рэвел, явно недовольный тем, что она прервала столь важный разговор.

Беатрис отругала себя за неосторожность и бесшумно ушла в другое крыло дома. Ее не мучила совесть за то, что она сделала. И сделала явно вопреки воле Рэвела. В женщине проснулся азарт охотника, кажется, ее однообразная жизнь наполняется новым смыслом. Теперь-то она постарается узнать больше о таинственных делах мужа.

Глава 7

Мелисса проснулась на рассвете. Утро выдалось солнечным и теплым. Сквозь открытое окно в комнату проникал ласковый южный ветер. Она прислушалась к себе: душа ее была спокойна и умиротворена, значит, кошмары больше не снились. Девочка вздохнула с облегчением и улыбнулась. Только сейчас она ощутила, что тревога и волнение растворились и исчезли.

Она быстро оделась и спустилась вниз. Ее дорожный чемодан стоял в прихожей. А родители уже пили чай и как-то странно помалкивали.

– Доброе утро! – в один голос сказали они и несколько натянуто улыбнулись.

– Что у вас за лица? – спросила Мелисса и села рядом.

– Вот те на! Что за лица! – Артур покачал головой. – Вот так дочка! Хороша, ничего не скажешь! Родители тут грустят, что не увидят ее целое лето! А ей – хоть бы хны!

– Ладно тебе, папа, не бубни, – рассмеялась девочка. – Ты такой забавный, когда бубнишь!

– Ну и дети пошли! Ну и дети! – Артур старательно хмурил брови и пытался изобразить недовольство, но у него это плохо получалось: в его глазах скакали бесенята.

Хильда, казалось, совсем не слушала, о чем они говорят. Только внимательно смотрела на дочь, словно изучала ее.

– Мама, ты чего? Не проснулась еще? – Мелисса попыталась втянуть ее в разговор.

Хильда не отвечала и продолжала смотреть на нее.

– Мама, – Мелисса потрясла ее за плечо.

– Ох, – Хильда вздрогнула. – Прости, прости, дочка, я все слышу! Слышу! – улыбнулась она немного вымученно, – Да я, правда, немножко вялая.

Артур бросил на нее тревожный взгляд и одним глотком выпил остывший чай.

– Дочка, – женщина взяла ее за руку. – Ты там в Бриф-Косте будь осторожнее. Далеко с Сарой не убегай и слушайся Монику. Очень тебя прошу!

– Конечно, мам! – убедительно ответила Мелисса, а сама подумала: «Ну да, конечно!».

За окном послышался цокот копыт и скрип колес. Все втроем разом вскочили с места.

– Хэттэр! – радостно вскричала Мелисса.

– Все дочка, до свиданья! Не шали там! – Артур погрозил ей пальцем и подмигнул незаметно от жены.

Они вышли во двор. После долгих прощаний Мелиссу усадили в крытую повозку. К слову, ее попутчики почтальон Хэттер и его жена Эльза были людьми, созданными для долгих поездок.

Хэттер, худосочный, благообразный, молчаливый старик, вечно курил длинную серую трубку. В любых ситуациях он был невозмутим и бесстрастен и лишь иногда позволял себе удивляться: лениво пожимал плечами и иронично улыбался. Его жена Эльза – полная ему противоположность – толстая, вечно тараторящая болтушка, простая и отзывчивая. Ее разговоры, на удивление, не утомляли слушателя, да и сама она не требовала к себе особого внимания.

Как только Мелисса оказалась в повозке, Эльза, расположившаяся рядом, сразу же затархтела, но через полчаса она выдохлась и погрузилась в сон. Мелисса же занялась изучением окружающего пейзажа, который успокаивал ее и пробуждал в душе радужные предчувствия. Они ехали по дороге, пролегающей сквозь густой смешанный лес.

Она вдыхала сырость утренней земли, впитывала ласковые лучи солнца, то и дело попадающие внутрь повозки, и становилась все счастливее и счастливее. Так спокойно и без всяких приключений ехали они несколько часов, и Мелисса успела немного подремать, помечтать, поболтать с Эльзой и почитать книгу.

Где-то около семи вечера путники остановились на привал. Лошади уже заметно устали, их распрягли, и они с большим удовольствием принялись жевать сочную траву. Место, которое они выбрали, представляло собой большую поляну, окруженную валунами. Пока Хэттер, утомленный ездой, дремал, остальные готовили стоянку для ночлега.

Когда стемнело, все сели около костра и принялись за ужин. Эльза огляделась вокруг, хлопнула себя по лбу и вскрикнула:

– Что я вспомнила! Что я вспомнила!

– Что же? – удивилась Мелисса. Хэттер же пробурчал нечто невразумительное и ехидно крякнул.

– Я вспомнила такое! Такое! Одну историю, которая касается именно этого места! – пробасила ликующим голосом Эльза.

– О, – оживилась Мелисса. – Как интересно!

– История-то страшная! – улыбка сползла с ее лица, и она грозно нахмурила брови.

– Ну и что! – пожала плечами Мелисса. – Я люблю страшные истории.

– Эй, мать, – подал голос Хэттер. – Не дури девке голову!

– Ой, ты-то что лезешь, старый чурбан!? Молчал всю дорогу – вот и молчи дальше, – напала на него Эльза.

– Ну как знаешь, женушка, дело твое, – и он задымил трубкой.

Из лесу налетели комары. Вся компания стала придвигаться ближе к костру. Мелисса заворочено глядела на языки пламени, слушала тишину и ждала страшной истории.

– Поговаривают, что в этом лесу живут отвратительные существа, – она затихла, бросив выжидающий взгляд на Мелиссу. Та недоверчиво подняла брови. «Ну и байки» – усмехнулась она про себя, но вслух сказала:

– Ничего себе! – и изобразила легкий испуг.

– Да, да, да, – продолжила Эльза. – Поговаривают, что здешние существа ужасно злые. Никто не знает, откуда они взялись. Но те, кто видел их, и кому удалось спастись, описывают их так: они такие... Как бы так сказать, – Эльза нахмурилась, пытаясь подобрать слова: – Такие темные, истекающие черной слизью, небольшого роста, горбатые, нет у них ни глаз, ни лица, ни на что они не похожи!

– Хех, – крякнул Хеттер. – Старуха, что за байки ты трaviшь?!

– Это не байки, – сердито глянула на него Эльза. – Я лично в детстве много слышала о них. В ту пору они почему-то особенно часто здесь промышляли.

– Да, – протянул Хеттер, откашлялся и продолжил: – И кто тебе рассказывал-то?

– Кто? Кто? Да соседи наши, ныне покойные, их дед и отец разок столкнулись с ними, а потом и другие говорили, – надулась Эльза. – Будешь перебивать вообще ничего рассказывать не стану.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, продолжайте, милая Эльза, – ласково протянула Мелисса, которой хотелось услышать все от начала до конца и понять сочиняет ли жена почтальона.

– Хорошо, доча. Пусть старый хрыч не верит и пытается заткнуть мне рот, а я все же расскажу. Я была тогда совсем маленькой, под стол пешком ходила. Дружила наша семья с соседями, забора у нас в ту пору не было, был один общий сад на всех. Соседи те звались Хансами. Было их четверо: мать, отец, дед и мальчуган. Любили они в лес ходить. Отец и дед на неделе по два-три раза туда уходили, то одним днем, то – с ночью. Бывало, придут все грязные, чумазые, довольные, тащат дичь всякую – куропаток, уток, а то и принесут мешки, набитые разными травами и кореньями. Под вечер огонь разведут и прямо в саду начинают жарить свою добычу. Стол накрывают и, как водится, нас зовут. Им бы в лесу жить, – говаривала моя матушка, но не могли они – уж сильно держал их День Обретения, праздник наш священный. Думали они, что если уйдут в лес жить, то предадут и город, и мэра, и День Обретения. Вот как-то раз летним вечером я сидела на крыльце, и как сейчас помню, – пуговицу пыталась пришить

к маминой рубашке. Мама тогда хозяйству меня учила. А мне-то все в радость было, ну как игра какая, что ли. Сижу я себе, тыкаю иголкой в рубаху и слышу: шаги такие шаркающие раздаются, и будто волокут что-то тяжелое прямо к дому нашему. Ну, думаю, отрываться от работы не стану, это, наверное, Хансы дичь крупную поймали и волокут ее по земле. Но все же подняла я взгляд, любопытно мне стало, что за дичь-то такая крупная! Глянула на дорогу и ахнула. Глазам не верю. Смотрю, медленно тащится Ханс-отец и волочит за собой деда, а тот хрипит так, стонет, нечеловеческие звуки издает. А мальчонка сзади полуживой плетется и то и дело падает. Бац, и распластался прямо среди дороги, бац – встал и снова пошел. Испугалась я страшно. Внутрь дома побежала, шитье бросила. Бегу и кричу: – Матушка, матушка, Хансы мертвецами стали, убил их кто-то.

Матушка выскочила, как ошпаренная во двор, перепугалась: никогда не слышала она, чтобы я так кричала. Я вообще тихоней слыла. Выбежала она в сад да как завопит от ужаса, а я на пороге стою – рот открыла. Она меня в дом обратно запикивает, дверь закрывает. Я сразу побежала в чулан, спряталась там и так допоздна и просидела. А по дому тем временем все бегали, шумели, кричали, взад-вперед ходили. Несколько часов прошло, и тихо стало. Я тогда вышла из своего укрытия и прошла в столовую. Мои семейные сидели за столом, и лица у них такие были бледные, измученные, перепуганные. Помню еще, они так много свечей зажгли, как никогда, и так светло, светло в комнате было. Мать даже что-то съестное на стол поставила, но никто и не притронулся к еде. Завидев меня, она так и всплеснула руками:

– Доченька, совсем про тебя забыла!

Я тогда спросила еще:

– Матушка, а что же стало с соседями нашими?

Мать вздрогнула, задрожала, а отец тогда грубым голосом ответил мне:

– У деда ихнего приступ случился. Вот они и оторопели.

Я, конечно, не поверила ему и решила дознаться до правды. Утром с первыми лучами солнца вышла на крыльцо и стала мальчонку поджидать, он обычно рано вставал, чтобы поозорничать. Но не вышел он. Ни отец его, ни дед не появлялись на дворе. Только мать его под вечер показалась – бледная, худая, измученная, будто на десять лет постарела. Зашла к нам, к маме в комнату, и слышала я, что рыдания оттуда доносились. На следующий день уже весь город знал, что дед той ночью от удара скончался, а отец болеет глубоко, встать с кровати не может. Ну а мальчонка все не выходил и не выходил, и на похоронах деда его не было. И вот однажды ночью слышу я, как камешки мне кто-то в окно кидает, выглядываю, смотрю – он стоит, мальчонка-то, бледный, худой, весь дрожит, но в глазах будто прежний задор появился, и он мне шепчет:

– Вылезай! Я тебе такое расскажу!

Я не будь душой ловко спустилась по дереву на землю, и мы с ним в огороды пошли. Идем мы, и чувствую я, что изменился он как-то, словно ему не десять лет, а все пятьдесят! Дошли мы до места уединенного, он сел и сразу начал:

– Мне никому рассказывать нельзя. Но тебе скажу! Не могу я молчать, – и тут слезы у него на глазах выступили. Ну дела – думаю! Сейчас еще и заревет!

Но он сдержался и продолжил:

– Мы в тот день с отцом и дедом в лес отправились. Шли себе спокойно, ягоды собирали. На полянке, где валуны большие раскиданы, остановились передохнуть, и слышим, в кустах зашипело что-то. Мы испугались, дед сразу ружье навел в ту сторону. Вдруг из-за деревьев, что сзади нас, точно такое же шипение раздается, и так – по кругу. Шипение, такое жуткое, не прекращалось. Все нарастало и нарастало! Смотрю, дед ослабел в один миг и ружье выпустил, а отец застыл, как изваяние. Я, на них глядя, тоже стою, как столб. И тут они стали появляться!

Шесть или семь, я не успел сосчитать, маленьких уродцев, окружая нас, подходили все ближе и ближе. Вдруг от одного шупальце тонкое отделилось, и вцепилось деду прямо в грудь.

Он застонал, закричал. Потом смотрю, они все ко мне начали подбираться. Я со страху сознание потерял. Очнулся – ни чудовищ, ни шипения, отец, согнувшись в три погибели рыдает, а дед лежит и кричит. Я встать хочу, но никак: встаю и падаю тут же. Вот так мы и дошли до дома. Отец ни слова не сказал, как пришел – так в кровать лег сразу и в потолок начал смотреть, не отрываясь. Меня же матушка из дома не выпускала – боялась. Вот я и сбежал, чтоб тебе рассказать.

И он разревелся, как девица. Я его утешать принялась, а саму дрожь бьет, думаю, сейчас, как из грядки с капустой вылезет монстр и цапает меня. Вот и история вся! – Эльза замолчала. От избытка эмоций она вся покраснела и покрылась испариной.

– Хе, – усмехнулся Хэттер. – Ну что скисла-то?

– Да что-то неприятно мне стало! Грустно, люди-то хорошие они были, – вздохнула она.

– А что с ними потом случилось? – поинтересовалась Мелисса, которой стало не по себе от услышанного. Темнота полностью окутала лес, а поднявшийся ветер громко шумел в листве, и ей слышались какие-то сторонние звуки. Лошади начали тихонько стучать копытами.

– Отец умер через месяц, а мальчонка через год пропал куда-то. Найти его никто не мог. Мать от горя слегла. Вот такая история.

– Да, – протянула Мелисса и поежилась. Наступило молчание, и атмосфера накалилась. Казалось, все усиленно думали: что же с этой семьей произошло на самом деле?

Мелисса огляделась по сторонам: они-то сейчас на похожей полянке сейчас. Нет, не мучь себя глупыми страхами! То был единичный случай! Ни с кем же больше подобного не происходило! Но как ни уговаривала она себя, в воздухе продолжала разливаться тревога. Девочка почувствовала, что все вокруг изменилось буквально за пару минут, – пространство свободной, тихой ночи начало заполняться чем-то чуждым, враждебным и пугающим. Мелиссаглянула на Хэттера, в глазах старика она уловила едва заметный испуг, он боязливо смотрел по сторонам, а Эльза – та застыла, как вкопанная, как будто боялась сделать лишнее движение.

Нет! Так не бывает! Сколько раз я здесь останавливалась, – и ничего! Сколько раз мы с мамой в лесу были, и тоже – ничего! Вдруг лошади истерично заржали и встали на дыбы. Послышалось шипение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.